

ЛИТЕРАТУРА, МЕМОУАРЫ

«Русская мысль»

Александр Иванович Куприн — одно из самых дорогих и близких нам имен. Его ли у нас не чтят и не читают! Только на моей памяти вышло несколько собраний сочинений писателя. Однако при всем при том за пределами канонического свода до сих пор сохраняется колоссальный нетронутый пласт произведений Куприна — то, что никогда не входило в его книги и что погребено в безбрежном море российской и эмигрантской периодики.

Подавляющую часть этих «разметанных листов» составляют публицистические выступления — статьи, очерки, эссе, памфлеты... Начиная с Февральской революции автор «Поединка» фактически сменил перо прозаика на шагу публициста. К слову заметить, не он один. Ибо время было такое: едва ли не каждый из писателей лихолетья и русской смуты мог бы подписаться под словами Юрия Айхенвальда: «Когда-то пишущему можно и не быть публицистом; теперь этого нельзя. Во все, что ни пишешь (...) неизбежно вторгается горячий ветер времени (...) эхо своих и чужих страданий».

Горячий ветер времени подхватил Куприна и выбросил его, как и многих его соотечественников, за пределы отечества. И там, на чужбине, публицистический поток не иссяк. Напротив, бывали периоды, когда его имя чуть ли не каждый день появлялось на газетной полосе. Помимо внутреннего побуждения к многописанию подталкивали и сугубо житейские причины. Ему, маститому и прославленному прозаику, одному из самых крупных имен литературы русского зарубежья, приходилось заниматься журналистской поденщиной ради хлеба насущного, «ради штанов да пачки папирос».

Разумеется, не все равноценно в эмигрантском наследии Куприна. Было множество однодневок, откликов на злобу дня, по справедливости канувших в Лету. Многие из его предсказаний и опасений поражают сегодня своей наивностью. Но были и блестящие образцы публицистики, в каждой строке которых явственно проступает купринское дарование, мастерское владение словом, боль и животрепещущее восприятие действительности. Таковы, в частности, предлагаемые вниманию наших читателей статьи Куприна, опубликованные в эмигрантской печати: «О Врангеле» («Новая русская жизнь», Гельсингфорс, 10.05.1921), «Паспарту» («Русское дело», София, 22.01.1922), «Вандализм», «О шовинизме» и «Мои герои — правда» («Русское время», Париж, 7 и 13.08.1935, 14.07.1926).

Ранее, до революции, Куприн считался художником левых, демократических убеждений. В изгнании же писатель благодаря своим публицистическим выступлениям снискал репутацию монархиста, консерватора, националиста, оказался на крайнем правом фланге литературы и общественной жизни. Никакой измены своим убеждениям в этом не было. Просто проявилось лишь то, что в латентном виде всегда присутствовало в его натуре. А именно — любовь к родине, к отечественной истории, к национальным устоям русской жизни. Все это разом рухнуло, и только уже там, на чужой стороне, пришло прозрение и осознание невосполнимости утраты и бесценности всего, чем владели, не цена.

Знакомясь с публицистикой Куприна, убеждаешься, что многие жгучие общественные проблемы, обсуждавшиеся в 20-30-е годы, встали сегодня в полный рост и перед нынешними поколениями. Ясно, что жизнь в чужеземье не мед. Но в сложной ситуации оказались и те, что просто-напросто были отрезаны границей от России, стали в односторонне подданными «лимитрофных» государств (как их тогда называли): Польши, Литвы, Латвии, Эстонии.

Где грань, отделяющая патриотизм от национализма, национализм от шовинизма? Этот вопрос пытается разрешить Куприн в статьях «Вандализм» и «О шовинизме». Первая из них по сути явилась откликом на газетную хронику, в которой промельк-

А.И.Куприн.

нуло сообщение о сносе православного храма Св. Александра в Варшаве и о решении использовать памятник Петру Великому в Таллине на чеканку монет. О чем речь, конечно же, вандализм, скажет каждый. Но были, оказывается, и другие мнения. Так, видевшие воочию собор утверждали, что тот подавлял своей чрезмерной величественностью, как бы олицетворяя имперское могущество. И понятно, что поляками он воспринимался как национальное оскорбление, как напоминание о вековой зависимости Царства Польского от России. И любые разумные доводы в пользу сохранения этого исторического и художественного памятника, использования его в других целях оказывались бесполезны. Аналогичные чувства испытывали, вероятно, и эстонцы по отношению к символам российской государственности.

Автор, по-видимому, почувствовал шаткость своих позиций и понял, что затронута им весьма скользкая тема. И он вновь берется за перо, чтобы расширить и углубить ее, от частности перейти к общечеловеческому.

Остается сообщить, что «Вандализм» появился за подписью «А.Александров». Есть все основания полагать, что это псевдоним А.Куприна. За это говорит и фактологическая связанность, и стилистическое единство обеих статей; наконец, то, что через несколько лет Куприн в автобиографическом романе выведет в качестве главного героя юнкера Александрова. Впрочем, тексты перед вами — читайте сами, сравнивайте.

А.И.

Александр Куприн

«Разметанные листы»

О Врангеле

Еще раз о Врангеле и, конечно, не в последний.

Мы можем предположить и понять то, что на французский перегруженный бюджет действительно нелегко ложилось содержание российской армии. Мы представляем себе и то, что у Франции не вполне свободны руки в этом деле. Поэтому, становясь на точку зрения французского правительства, мы, хотя и с горечью, но все-таки способны усмотреть временные побуждения логики, выгоды и необходимости в его решении ликвидировать врангелевскую армию.

Но как нам судить о деятельности тех знатных русских иностранцев в Париже и Берлине, которые с таким усердным верхним чутьем помчались по следу этой мысли уже тогда, когда она была еще в зародышевом состоянии?

Ведь сами они ежедневно долбят, как дятлы, о том, что большевизм накануне краха, что вся Россия охвачена восстаниями, что близок час — он придет через месяцы, а кто знает, быть может, через недели, — когда главнейшие вожди красного коммунизма, спешно уложив чемоданы, умчатся во все края света, и страна — освобожденная, ликующая — вступит в новый, великий период Третьей России...

Но воображают ли они, какая страшная мертвая зыбь раскатается по всей русской земле, когда она хоть на несколько дней почувствует себя безголовой? Задумывались они хоть раз над тем хаотическим ужасом, который понесет с собою во все стороны разбежавшаяся Красная армия? Нет, это уже не будут толпы бородатых, оборванных дезертиров-мужиков 17-го года, стремившихся стихийно к разделу земли и к бабе на печку: теперь пойдут гулять по лицу нашей родины шайки полузверей, познавших все: и расстрелы, и пытки, и радость ночного грабежа среди пылающих городов, и сладость насилия над ребенком, кричащим пред-

смертным криком; полулюдей, у которых трехлетняя принудительная гражданская война вышибла из памяти все — родину, семью, веру?..

Разве не появятся в глухих русских берлогах самозванцы, лжепророки, основатели чудовищных сект? Разве оставшиеся внутри страны меньшие коммунисты, эти «ленинские дураки», внезапно оторванные от сладкой, веселой и легкой жизни при чрезвычайных, знающие, что пришел их крайний денечек, чувствующие давление веревки вокруг шеи, — разве они не рассосутся в качестве бродильного начала в народной массе для поднятия тысячи большевистских восстаний против нового, по необходимости сурового режима? Это именно они бессознательно будут хлопать дверьми, вместо отсутствующих Ленина и Троцкого...

Кто же в эти безумные, бредовые дни повальной анархии станет на защиту русских животных и русской худобы против злых воровских людей? Кто сумеет не потерять головы при землетрясении?

Эсеры?

Но как?

Все, что они могут, — это написать умную декларацию, горячую прокламацию, широкий манифест или убедительными речами призвать к порядку во имя родины и человеческого достоинства. Но в то время ни читать, ни слушать никто не станет. Никто не пойдет даже за такими громкими именами, как Чернов и Керенский.

Кто же охранит остатки путей сообщения, водопроводы, музеи, склады, фабрики, шахты, телеграфы и т.д., и т.д. от злого или просто бессмысленного разрушения?

Может быть, милиция, организованная знатными русскими иностранцами из Парижа и Берлина? Ах, мы видели эту штатскую милицию в 17 году, когда она еще была дисциплинирована, полна революционного пыла и сознания долга. «Кто прицепил этого маленького мальчика к этому большому ру-

жью?» — спрашивали мы. Мы видели, как милийский бежал со своего поста, бросив ружье, когда вблизи его лопалась шина. И мы сами бежали врассыпную, куда попало, когда милийскому пригодила в голову дурацкая мысль полюбопытствовать: что это за штука ружейный замок и для чего это внизу под ним приделан такой движущийся хвостик?

В дни сумбура, бестолковщины, кровавого бурления, не имеющего ни цели, ни смысла, — уличные озорники в той же мере наглы и беспощадны, как и трусливы и подвержены панике. Взвод настоящих, непоколебимых солдат в десять раз сильнее тысячного пьяного, орущего, расхлябанного сброда. Три тысячи испытанных воинов, для которых смерть и повиновение одинаково привычны, смогут поддерживать совершенный порядок в Москве или Петербурге. Триста достаточно для большого губернского города. И они же, только они смогут и сумеют инструкторским путем поставить милицию на твердую, точную и быструю военную ногу.

Таких солдат у Врангеля насчитывалось до 30-40 тысяч. Это настоящая твердыня, здоровое, жизнестойкое, могучее ядро, из которого без труда родилась бы новая, сильная армия — опора и защита народного труда, оплот ничем и никем не стеснимого Учредительного собрания.

Не дай Бог, чтобы наступил тот момент, когда Третья Россия, захлебываясь среди пожара собственной кровью, закричит:

— Как вы смели способствовать гибели врангелевской армии! Проклятые вам!

Что вы ответите?

«Это, собственно, не мы, а французы... Мы только так себе... немножко болтали... Ведь от слова не станется».

Станется.

P.S. Но Брут сказал: он был властолюбив. А Брут, конечно... честный человек.

Публикация
АНАТОЛИЯ ИВАНОВА

Москва

Продолжение следует.